

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 710-720
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.710

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Policy of the Russian Empire on Managing the Cossacks and Highlanders in the 19th century

Evgenii A. Avdeev^{a,*}, Aleksey M. Erokhin^a, Sergej M. Vorobev^a, Sergej N. Bredikhin^a

^a North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the main stages and features of the imperial policy on managing the Cossacks and highlanders in the 19th century. The policy was aimed at the formation of Cossack regiments and their integration in the system of a unified military administration. The Cossacks were involved in rear and border service, the construction of new fortresses and the foundation of villages. During the Caucasian War, the number of Cossacks increased due to the assignment of other categories of the population to them, including highlanders. During this period, the military form of governance of the Cossack and highland population was formed. The newly established Caucasian Viceroyalty played a significant role in the transformation of the Caucasus. Upon completion of military operations, a new form of governance of the local population was implemented – military-people's governance. Along with the military leadership, mountain elites were involved in making administrative and judicial decisions. The established mountain courts relied on the laws of the Russian Empire, adats and sharia. In the last third of the 19th century in the Kuban and Terek regions, a transition to civil and then military governance took place. At the same time, elements of military-national governance were preserved in the North Caucasus. In the Dagestan Kuban and Terek regions, mountain courts continued their activities. The number of Cossacks decreased, and some villages got the civilian status. Universal military service of the Cossacks was replaced by conscription. Despite the inconsistency and situational nature of many management decisions, the imperial policy for governing the Cossacks and mountaineers as a whole made it possible to solve the problems of pacification and integration of the Caucasus into Russia.

Keywords: North Caucasus, Russian Empire, Cossacks, mountaineers, Caucasian War, military service, military-national governance, mountain courts, adats, sharia.

1. Введение

Значимой в истории Северного Кавказа XIX в. является проблематика государственного управления казачьими и горскими общинами. Характерной особенностью казаков и горцев была общая военизированная основа жизни, быта и культуры, что влияло на специфику организации управления казачьими и горскими общинами. Российские власти стремились создавать казачьи станицы как военные поселения. Горская община исторически формировалась как военный отряд, с детства горцев воспитывали и готовили как воинов. Во многих кавказских языках понятия «народ» и «община» были синонимами ополчения. Ядро горского общества составляли полноправные воины-общинники. Родовые общности горцев, лояльно относящиеся к имперской власти, не подвергались изменениям, т. к. позволяли организовывать управление горцами. Однако в целом военизированная организация горцев была проблемой для имперской власти. Казачество отличалось этнической и конфессиональной мозаичностью. Казаки принимали в свою среду беглых крепостных крестьян, свободных переселенцев, горцев, бежавших от преследований со стороны соплеменников.

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

Большинство казаков исповедовали православие, наряду с этим были и калмыки-буддисты, ногайцы и кумыки-мусульмане.

Специфика этих общностей предполагала формирование имперскими властями как общих, так и особых управленческих подходов и практик, которые менялись в зависимости от ситуации связанной с военной динамикой, процессами освоения и колонизацией региона. И те, и другие отличались воинственностью и свободолобием, высокой степенью самоорганизации и самоуправления. Основой их жизнедеятельности были военные столкновения друг с другом, организация набегов и грабежей. Отношения между казаками и горцами характеризовались борьбой за земли, скот и пастбища, особенно в ходе переселения горцев из гор на равнинные земли. Наиболее характерным это было в пограничных казачьих станицах и близлежащих горских поселениях. Обе стороны практиковали одни и те же методы борьбы, совершали грабительские набеги, угоняли скот и сжигали поселения. Некоторые вольные казаки (старообрядцы-некрасовцы) совершали вооружённые набеги и захватывали невольников, сбывая горцам похищенное и похищенных (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 28). Фронтальное взаимодействие казаков и горцев приводило к взаимопроникновению особенностей жизненного уклада, быта, форм хозяйственной деятельности (Барретт, 2000: 175). Это также содействовало изучению и использованию в межкультурном взаимодействии казаками горских языков, горцы в свою очередь стремились понимать русскую речь. Этому способствовали развитие торговых отношений и социокультурное взаимодействие, основанные на взаимоуважении, принятии иных образа жизни, традиций и культуры. Терские казаки до середины XIX в. в основном закупали вооружение (шашки, кинжалы и мушкеты), произведённое горскими оружейниками. Среди казаков имелось большое количество потомственных кунаков из числа черкесов, чеченцев и кумыков (ЦГАРД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 624. Л. 49, 52, 54-55).

Существовали серьёзные различия в организации взаимодействия имперской администрации с казаками и горцами. Так казаки под эгидой Российской империи, наряду с регулярной армией, защищали пограничные рубежи, привлекались к несению строевой службы, строительству оборонительных линий и крепостей. Вооружённые горцы объединяясь выступали против осуществляющейся имперской экспансии, защищали свои земли, общественное устройство, образ жизни и традиции. Наряду с вооружённым противостоянием происходила постепенная интеграция горцев, живших на присоединённых к России территориях, включение части их в состав казачьих общин. Процессы формирования казачества на Северном Кавказе были неоднородными. Создавались казачьи подразделения в составе российских войск. Это были так называемые служилые казаки. Наряду с ними были самоорганизующиеся вольные казачьи общины. Горцы также делились на мирных, тех, кто принимал новую российскую власть и продолжал жить в пределах Кавказской пограничной линии, и немирных, уходивших в горы и продолжавших воевать. Таким образом, несмотря на существенные различия в вероисповедании, культуре и традициях, активное вооружённое противостояние между казаками и горцами, прослеживаются и общие характерные черты, такие как стремление к свободе, отстаивание исторически присущих им форм самоуправления, военизированный образ жизни, а также стремление защитить свою землю, ценности и веру.

2. Материалы и методы

Комплексный подход к изучению политики Российской империи по управлению казаками и горцами в XIX в., выявление специфики и определение характерных черт и особенностей предполагает использование широкого круга историографических источников. В исследовании применялись статистические и архивные материалы, включающие фонды федерального и ряда региональных архивов: Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственный архив Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), Центральный государственный архив Республики Дагестан (Махачкала, Российская Федерация), Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (Нальчик, Российская Федерация), Архив Кабардино-балкарского института гуманитарных исследований (АКБИГИ), Рукописный фонд института истории, археологии и этнографии дагестанского федерального исследовательского центра РАН (РФИИАиЭ ДФИЦ РАН). Использованы государственные нормативные акты и данные статистики: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ); Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК); Сборник сведений о Терской области. Также задействован корпус дореволюционных документальных и историко-публицистических материалов: «Ставропольское казачье юнкерское училище, 1870/71–1897/98: памятка о двадцатисемилетней его жизни и деятельности», «Всепогоднейшая записка по управлению Кавказским краем»; материалы журнала Русская мысль.

Анализ архивных документов, законодательных актов и иных историографических материалов позволил провести историческую реконструкцию формирования и эволюции системы государственного управления на Северном Кавказе, включающую в себя организацию военно-административного и военно-народного управления, а также судебной системы, регламентацию военной службы казаков, организацию хозяйственной жизни и управления казачьими и горскими общинами. Опора на системный

подход, историографический и историко-генетический методы позволила раскрыть процесс становления и развития институтов управления казаками и горцами на Северном Кавказе в XIX в., выявить основные этапы эволюции системы государственной власти, описать причины изменений в управленческих подходах и практиках управления казаками и горцами.

3. Обсуждение

Становление казачьих поселений на Кавказе и колонизация края, взаимодействие казаков, горцев и российских властей широко обсуждались в имперской историографии. Значимым было изучение жизни, быта, традиций черноморских и гребенских казачьих сообществ, специфики казачьего самоуправления, их взаимодействие с горцами в историко-этнографических исследованиях, проводимых И.Д. Попко (Попко, 1858; Попко, 1880). Детальные исследования военных аспектов организации управления на Северном Кавказе, многогранного взаимодействия имперских властей и горцев проводились В.А. Потто и другими военными историками (Утверждение русского..., 1901–1908). Обобщающие труды, рассматривающие историю создания кордонных линий и казачьих поселений на Тереке и Кубани в первой половине XIX в., были составлены и опубликованы И.Л. Дебу (Дебу, 1829). Ценные статистические материалы, освещающие этногенез терских казаков, включение в ряды казачества переселенцев с Дона и других областей, а также кавказских и других народов, были собраны Е.Д. Максимовым и С.И. Писаревым (Максимов, 1890; Писарев, 1881). Важное место в имперской историографии занимает многолетний труд Ф.А. Щербины, в котором подробно рассматривается освоение казаками Северного Кавказа, организация устройства казачьей жизни, специфика формирования традиций и духовной культуры, их взаимодействие с горским населением и имперскими властями (Щербина, 1910–1913).

В постимперский период также проводились исследования культуры, быта, особенностей семейных и общинных отношений в среде казачества (Заседателева, 1974). Современными российскими исследователями изучались различные аспекты организации и функционирования системы управления горцами, вошедшими в XIX в. в состав Российской империи (Гранкин, 2021; Avdeev et al., 2024a; Zozulya et al., 2020). Рядом современных историков-кавказоведов рассматривались различные аспекты жизни, быта, характера общественных отношений, организации системы управления казаками и горцами на Северном Кавказе (Дзамихов, 2000; Тхамокова, 2022; Лазарян, 2021; Клычникова, 2006).

4. Результаты

Имперская политика по созданию казачьих поселений на Северном Кавказе в XIX в. была связана с борьбой между Россией и Османской империей за контроль над регионом и последующей Кавказской войной. Строительство казачьих станиц, обеспечение казаков оружием и возложением на них обязанностей по охране рубежей снижало военные расходы и обеспечивало безопасность границ. Активное привлечение казаков начинается с последней трети XVIII в. в период создания Кавказской линии, которая представляла собой цепь крепостей, растянувшуюся от Азова до Моздока. Так, после завершения строительства крепости Моздок в 1769 г. с земель Войска Донского были переселены 250 казачьих семей в станицы Наурская, Галгаевская, Ищерская, Мекенская, Калиновская и Луковская. При крепостях Кавказской линии в 1777–1780 гг. были поселены казаки Волгского и Хоперских полков. Ряд крепостей Кавказской линии в конце XVIII – начале XIX в. получают статус уездных городов (История городов и сел..., 2008). В этот период имперская политика на Кавказе была направлена на формирование казачьих полков и постепенное включение их в состав регулярных войск. Элементы казачьего самоуправления сохранялись только на низовом (куренном и станичном) уровне. Для защиты крепостей и форпостов Кавказской линии формируется Кавказское линейное казачье войско, включающее в себя Терский, Гребенской, Кизлярский, Моздокский и Горский полки. Возглавляли полки наказные атаманы, назначаемые военным министром. Под руководством наказных атаманов осуществлялось как военное, так и гражданское управление казаками. Значимость казачьих войск в составе линейной армии подчёркивалась тем, что начиная с 1827 г. наследники российского престола назначались атаманами всех казачьих войск Российской империи. Этим маркировалась символическая связь всех казаков с императорским двором и военной службой империи.

Одним из направлений имперской политики в отношении казачества, актуальным на начальных этапах Кавказской войны в связи с гибелью казаков в ходе военных столкновений и многочисленными задачами по охране дорог и кордонных линий, стало увеличение численности казаков за счёт приписывания к ним мирных горцев и государственных крестьян. В 1820–30-х гг. был принят ряд государственных решений, которые облегчали привлечение в казаки и увеличение числа казачьих поселений. В 1823 г. согласно государственному указу выделяются земли для создания 14 новых казачьих станиц (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 37. № 29682). Вместе с казаками станицы населялись бывшими солдатами, крестьянами-переселенцами и горцами, преимущественно из кабардинцев, абазин и осетин. Все жители этих станиц включались в реестры линейных казаков. Горский казачий полк, сформированный в 1824 г., комплектовался кабардинцами, осетинами, а также казаками, проживающими в станице Луковской. Включение однодворцев и других государственных крестьян в состав линейных казачьих полков

осуществлялось на основе указа 1827 г. (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 2. № 1418). Далее Император Николай I в 1828 г. издаёт ещё один подобный указ (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3. № 2301). В 1832 г. 31 казённое селение Кавказской области для усиления Кавказской линии переводится в казачьи станицы, а их жители приписываются к линейным казакам (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 7. № 5796).

Другим направлением имперской политики в отношении казачества был их перевод в военно-служивое сословие, придание ему легитимного статуса. Так в 1845 г. утверждается Положение о Кавказском линейном казачьем войске, которому по-прежнему дозволяется принимать в своё сословие однодворцев, казённых крестьян, отставных крестьян и ряд других категорий населения. На казаков, помимо несения военной службы, охраны Кавказской линии и Военно-грузинской дороги, возлагался ряд повинностей (почтовая, подводная, дорожная, квартирная, паромная и др.) (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 20. Отд. 1. № 18739). В дальнейшем система государственного управления казачьим войском продолжала совершенствоваться. Военная служба казаков государству становилась обязательной. Наряду с военными обязанностями, казаков привлекали к несению полицейской службы. Казачьих офицеров стали уравнивать с армейскими, в том числе и при выплате жалования и получении потомственного дворянства в случае успешного продвижения по службе до чина полковника и выше (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 31. Отд. 1. № 31236). В 1850-х гг. принимается ряд решений, направленных на увеличение числа казачьих частей в составе российских войск, дислоцированных на Кавказе, за счёт разрешения причислять к линейным казакам раскольников и женатых солдат, живущих в казачьих станицах (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 34. Отд. 1. № 34449; ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 28. Отд. 1. № 27160; ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 33. Отд. 1. № 33280). Продолжалось увеличение числа казаков и за счёт основания новых станиц. Например, в 1859 г. по указу военного министра начали создаваться семь новых казачьих станиц на передовых линиях Кавказского линейного казачьего войска, в которые предполагалось переселить казаков и крестьян с Дона, Терека и центральных губерний (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 33. Отд. 2. № 33641).

По завершении Кавказской войны (1859 г.) продолжилось дальнейшее развитие территориальных структур казачьих ареалов. Так, в 1860 г. были образованы Кубанская и Терская область, включившие в себя правое и левое крылья Кавказской линии. Командующий войсками правого крыла Кавказской линии стал именоваться начальником Кубанской области, левого – Терской области. Территория севернее Главного Кавказского хребта стала называться Северным Кавказом (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 35. Отд. 1. № 35421; ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 35. Отд. 1. № 35822). Сформированная административная граница между Кубанской и Терской областью стала линейной, разделившая казаков на терских и кубанских (до этого именовавшихся черноморскими). Можно считать, что с этого момента начинается современная история терского и кубанского казачества (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 35. Отд. 2. № 36327).

Прекращение военных действий, особенно на территории Чечни и Дагестана, постепенное умиротворение горцев, снизило значимость казачьих формирований в качестве охранных и военизированных подразделений в составе регулярной армии. После окончания Кавказской войны в имперской политике формируется тенденция к расказачиванию: некоторые станицы стали исключаться из разряда казачьих. Руководство ряда станиц также стремилось выйти из состава казачьего войска, особенно те, в которых большинство населения составляли горцы. Так, станичники Бабуковской станицы несколько раз подавали прошение об отчислении из казачьего войска. В 1860 г. эта станица, согласно указу, была упразднена, а её жителям-горцам предписывалось переселиться в Большую Кабарду (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 35. Отд. 2. № 36204). В 1869 г. станица Железноводская Терского казачьего войска, а также 12 станиц Кубанского казачьего войска были переведены в гражданское состояние и включены в состав Ставропольской губернии. Офицеры и казаки, желающие остаться в казачьем сословии, должны были переселиться во вновь устроенные станицы Закубанского края (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 44. Отд. 2. № 7849). В мирных условиях стал изменяться и порядок воинской службы казаков. На основе положения 1870 г. прекращался всеобщий характер строевой службы, вместо него призыв на действительную службу при отсутствии добровольцев проводился путём жеребьёвки. Увеличивалось число нарядов на полевую и кордонную службу. Казакам предписывалось иметь собственного коня, амуницию и вооружение, что было для большинства казаков обременительным. В этой связи в Уставе о воинской повинности 1875 г. предусматривался порядок возмещения потраченных казаками средств на военную службу, включая расходы на коня, оружие и амуницию (Очерки традиционной..., 2002: 412).

В послевоенное время совмещение военной и хозяйственной деятельности для казаков было крайне сложным. Исполнение воинских повинностей становилось все более и более тягостным. Даже после ухода с военной службы казаки должны были поддерживать в исправном состоянии военную форму, оружие, снаряжение и строевого коня, а также быть готовыми к участию в ежегодных военных сборах в течение месяца. Наряду с подготовкой к военной службе, они должны были выполнять обязанности по внутренней службе, привлекались также к работам вне обязанностей согласно положениям и воинским уставам. Невыполнение требований атаманов приводило к проведению следствия и привлечению к суду (ГАКЧР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 43, 48). В этот период казакам стало разрешаться вместо внутренней службы вносить в станичную казну денежные средства в размере от

50 до 100 рублей или натуральные возмещения. Это давало освобождение от выполнения обязанностей военной службы на один-два года. Вместо них служили беднейшие слои казаков. В исполнение обязанностей по внутренней службе добавлялись и полицейские, казаки привлекались для подавления массовых демонстраций и протестов (Футорянский, 1998: 111).

В дальнейшем проблема комплектования строевых частей казачьих войск продолжала обостряться. Желание служить в связи с тяготами и затратами военной службы существенно снижалось. Было трудно совмещать строевую службу с эффективным ведением хозяйства, что приводило к росту численности беднейших слоёв среди казаков. Однако требования к казакам по подготовке к строевой службе не снижались. От казаков, согласно положению «О военной службе казаков Кубанского и Терского казачьих войск» 1882 г., поступавших на военную службу, требовалось быть на лошади в хорошем состоянии, иметь обмундирование, ружья, патроны, шашки и кинжалы исправными, «в надлежащей чистоте и образцовом виде» (Омельченко, 1991: 113). Увеличивались и требования к подготовке офицеров Кубанского и Терского казачьих войск. По инициативе Наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича 15 декабря 1870 г. открывается Ставропольское урядничье училище (в 1871 г. переименовано в Ставропольское казачье юнкерское училище), готовящее будущих казачьих офицеров кавказских казачьих войск Кубанского и Терского. В училище изначально принимались только дети потомственных и личных дворян, однако с 1874 г., после введения всеобщей воинской повинности, к приёму стали допускаться молодые люди всех сословий. В 1898 г. училище было закрыто, а обучение будущих казачьих офицеров осуществлялось в Донском и Владикавказском кадетских корпусах, а также в Майкопской артиллерийской школе (Баратов, 1898).

Не менее сложной была организация взаимодействия имперской власти с горскими элитами и горскими общинами на Северном Кавказе. После строительства и укрепления Кавказской линии одной из центральных задач стало умиротворение горцев на предгорных и горных территориях, прилегающих к ней. Горцам в подконтрольных селениях запрещалось формировать народное ополчение, а князьям собирать вооружённые отряды. Среди мирных горцев пресекалось аталычество и куначество с горцами, не попадавшими под управление имперской власти. Власть горских князей значительно ограничивалась. Они не имели права объявлять войну и осуществлять вооружённые набеги, а также собирать дань со своих вассалов. Эти меры ослабляли институт княжеской власти и сокращали источники доходов горской знати (Северный Кавказ..., 2007: 79-80). Имперская администрация на Северном Кавказе активно использовала вражду между горскими родами и отдельными княжествами. Наиболее жёсткие столкновения были между пророссийскими и проосманскими горскими объединениями. Это также ослабляло значимость князей, сплочённость горских общин и способствовало укреплению влияния Российской империи в регионе.

Наряду со стремлением к ослаблению власти горской знати Российская империя проводила политику поддержки князей и узденей, которые присягнули ей на верность и подчинялись российской военной администрации. Со второй половины XVIII в. управление в регионе осуществляли русские офицеры – коменданты крепостей Кавказской линии. Начинают формироваться первые органы управления горскими территориями – приставства. Приставы были наделены всей полнотой власти, как военной, так исполнительной и судебной. Наряду с армейскими офицерами, применялась практика назначения на должности приставов из числа наиболее лояльной горской элиты. В начале XIX в. после расширения горских территорий, подконтрольных российской власти, система приставств совершенствуется и укрепляется. Приставам вменялся надзор за управлением и поддержанием порядка на территориях, сбор налогов и податей, разрешение судебных тяжб среди как христианского, так и мусульманского населения. В первой половине XIX в. система приставств, помимо Кабарды, устанавливается на территории Осетии, Чечни и Карачая.

В конце 1830-х – начале 40-х гг. среди представителей имперской власти на Кавказе формируются предложения по совершенствованию управления горскими народами. Так, в одной из записок, поданных Николаю I, подчёркивалась необходимость усиления единства власти на Северном Кавказе, сочетающей в себе неразделенность военного и гражданского управления на уровне местных начальников (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 28. Л. 4). Основой для совершенствования системы управления горцами в 40-х – 50-х гг. XIX в. стал нереализованный «Проект положения об управлении мирными горскими племенами», составленный генерал-адъютантом П.Х. Граббе. В нем предполагалось формирование нового административно-территориального деления Северного Кавказа, системы управления, опирающейся на учёт традиций, обычаев, уровень развития гражданского устройства и степень покорности имперской власти, а также характер взаимоотношений между проживающими в регионе народами (АКБ ИГИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5. Л. 2). Несмотря на то, что проект Граббе не был принят, его отдельные положения, принципы и правила были претворены в жизнь. В конце 1840-х гг. на территории Северного Кавказа сформировалась военная система управления горскими народами во главе с главноуправляющим. Ему подчинялся командующий Кавказской линии. При его штабе была особая канцелярия для управления мирными горцами. Средний и нижний уровни управления осуществляли приставы, а также их помощники и старшины (Блиева, 2005: 144).

Несмотря на принимаемые меры по созданию системы управления горскими народами, организация управления в первой половине XIX в. была сложной и запутанной. Было сформировано

девять приставств и два специальных управления. Способствовали этому ведение боевых действий в ходе Кавказской войны, реактивный характер принимаемых управленческих мер. На Северном Кавказе были территории, находящиеся под непосредственным имперским управлением (Кавказская губерния, с 1822 г. переименованная в Кавказскую область, а в 1847 г. в Ставропольскую губернию), на которых были сформированы типичные для центральных регионов империи органы власти, осуществлявшие свои действия в соответствии с российскими законами того периода. При этом на Северо-Восточном и Центральном Кавказе сохранялись горские государственные объединения, вошедшие в состав Российской империи (например, Тарковское шамхальство), здесь мусульманское население проживало по адатам и шариату, т.е. вместо прямого осуществлялось косвенное управление. Так, в «Проекте об управлении Дагестанской областью», предложенным в 1842 г. генералом Е.А. Головиным, отмечалось, что на территории Дагестанской области при решении гражданских дел руководствуются местными обычаями (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 257. Л. 12). Непосредственное управление, судебные решения и сбор податей осуществляла местная знать, которая контролировалась назначаемыми русскими офицерами. До окончания Кавказской войны не существовало единого управления территориями Северного Кавказа, не было единой администрации, налогообложения и судопроизводства. Большие территории, на которых проживали горцы и казаки, управлялись непосредственно офицерами, подчинявшимися Штабу Наместника (Кавказское наместничество было воссоздано в 1844 г. и просуществовало до 1881 г.).

Завершение Кавказской войны послужило началом нового этапа формирования системы управления на присоединённых землях Северного Кавказа. Так, Наместником Кавказа князем А.И. Барятинским в отчёте за 1857–1859 гг. отмечалось, что при устройстве управления «покорными горцами» следует предоставить «суду шариата только вопросы духовные», а в остальных случаях применять «словесное судопроизводство, основанное на обычаях и адате» (АКАК, 1904: 1287). Основой нового этапа стало создание системы военно-народного управления, призванной сменить военную администрацию. Она предполагала сосредоточение власти в руках офицеров, подчинявшихся главнокомандующему Кавказской армии, осуществлявших контроль и надзор над горскими общинами, которым предоставлялась определённая автономия во внутренних делах и организации жизни. Рекомендовалось при осуществлении управления среди горцев делать упор на адаты (Воронцов-Дашков, 1907: 123). Основы новой системы военно-народного управления были изложены в «Положении о Кавказской армии» 1858 г., которое включало в себя раздел, регламентировавший управление горскими народами, которые не включались в систему гражданского управления. Данным положением определялась организация управления горскими общинами, проживающими на замиренных территориях Чечни, Дагестана и Кабарды. Отмечалось, что оказываемое князем Барятинским предпочтение адату, «основывалось на глубоком понимании общественного устройства горских народов» и способствовало уменьшению роли шариата и, посредством этого, подрывало базу движения мюридизма (Эсадзе, 1907: 169). Учитывалась историческая разобщённость горцев и значимость родовых институтов в жизни горских общин. При этом принимались меры по централизации управления (АКАК, 1904: 222).

Важным шагом по осуществлению реорганизации управления на Северном Кавказе было разделение левого крыла Кавказской линии на округа: Кабардинский, Военно-Осетинский (с 1860 г. Владикавказский), а также Чеченский, Кумыкский, Аргунский и Ичкеринский (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 35. Отд. 2. № 36130). В каждом округе формировалась схожая структура управления. Назначался начальник округа и под его председательством создавался народный суд, по примеру созданного ранее чеченского суда, разбирающий различные споры между горцами. Суд включал в себя главного кадия и представителей горских обществ данного округа (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 32. Отд. 1. № 32541). Далее система военно-народного управления конкретизируется инструкцией для окружных начальников левого крыла Кавказской линии, утверждённой А.И. Барятинским в 1860 г. В ней определялась специфика управления в горских аулах, согласно которой для наведения полицейского порядка выбирались старшины из наиболее уважаемых и почётных людей, кандидатуры которых предоставлялись начальнику округа для утверждения. К нему в помощь определялись десятские (на каждые 50 дворов по одному десятскому). Ежегодное вознаграждение за службу определялось начальником округа и утверждалось командующим войсками (АКАК, 1904: 1197). Согласно программе А.И. Барятинского, военным властям необходимо было руководить как народным судом, так и народной полицией и создавать дальнейшие условия для их постепенного включения в общероссийскую систему гражданских, судебных и управленческих отношений (Иваненко, 1904: 117). В § 28 Положения 1860 г. об управлении Дагестанской областью предписывается в процессе судопроизводства применять, наряду с российскими уголовными и гражданскими законами, нормы обычного права (адат и шариат) (АКАК, 1904: 1203). Адат и шариат были основой для решений тяжб между горцами, касающихся земельных и семейных споров. Во главе горского народного суда стоял русский офицер, ему подчинялись кадий и три старшины из наиболее уважаемых членов местных общин. Они разбирали судебные тяжбы горцев в зависимости от их характера по адату или шариату. Более предпочтительными были решения, основанные на адатах, хорошо понимаемых членами горских общин (Малахова, 2001: 214-215).

Основой народного управления горцами-мусульманами стал джамаат (мусульманская община), которая выступала посредником в процессе взаимодействия между горскими общинами и российскими военными администрациями. Под руководством начальников округов были сформированы органы народного управления. Коллективные решения принимались на сельских сходах, на них же избирались старшины и утверждался состав горских судов, включавших кадия и знатоков адатов. Горская община единоверцев-мусульман осуществляла сбор и уплату налогов. На неё возлагались задачи по обеспечению общественного порядка, поддержанию в надлежащем состоянии дорог, предоставлению, при необходимости, подвод и лошадей для нужд армии. На горцев-мусульман не распространялись требования по призыву на военную службу. Набор в местные военизированные формирования и привлечение горцев к армейской службе осуществлялись на добровольных началах. Эти меры по формированию системы военно-народного управления начинают постепенно реализовываться в последние годы Кавказской войны. В целях повышения эффективности и помощи военным администрациям во внедрении военно-народного управления в апреле 1858 г. в составе Управления генерал-квартирмейстера Кавказской армии формируется Отделение по управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 33. Отд. 1. № 32938). После войны происходит ряд дальнейших преобразований, направленных на систематизацию и совершенствование верхнего уровня системы военно-народного управления. Отделение по управлению горскими народами реорганизуется в Кавказское горское управление. Оно подчиняется непосредственно Наместнику Кавказа. В круг его обязанностей входит координация нижних уровней военно-народного управления, контроль за деятельностью военных начальников на местах (Россия и Кавказ, 2001: 99).

Можно сказать, что, несмотря на принимаемые меры, не была создана единая система военно-народного управления на Северном Кавказе. Более или менее полно и последовательно эта система была внедрена и реализована только в Дагестанской области. В 1867 г. военно-народное управление создается на территории Темир-Хан-Шурина округа, образованного на территориях Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства. При этом имперская администрация сохраняла за представителями властвующих родов их родовые земли, что обеспечивало им сохранение своего авторитета и влияния среди соплеменников (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 72. Л. 3). В Терской и Кубанской областях также были сформированы низовые элементы военно-народного управления на уровне сельских общин, подчиняющихся начальникам округов. Основой управления горцами данных областей становятся сельские общины (аульные общества). Основные вопросы, касающиеся местного управления и организации жизни членов общины, рассматриваются на сельских сходах. Споры и тяжбы разбираются сельскими судами. Их полномочия регламентируются, а деятельность контролируется военными администрациями (О сельских (аульных) обществах..., 1871).

На сельском сходе избирался старшина, осуществлявший общее руководство жизнью горской общины. Он же председательствовал в сельском суде и составлял доклады для начальника округа, обеспечивал правопорядок. Подробно регламентировался процесс судопроизводства для горцев в народных судах, работавших по адату и шариату. Наиболее сложные тяжбы, такие как похищения и грабежи, а также религиозные дела, рассматривались окружными судами (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 37. Отд. 1. № 38326). Давая оценку военно-народному управлению, известный военный деятель и публицист конца XIX – начала XX в. Ф.К. Гершельман отмечал такие его достоинства, как простота и доступность местному населению, ориентация на понятные и исторически сложившиеся у горцев формы организации жизни и быта, относительная самостоятельность местных властей в принятии административных и судебных решений на основе обычая. Им подчёркивалась значимость учёта особенностей традиций, уклада жизни горских народов при организации управления (Гершельман, 1908: 64).

В дальнейшем, в 1871 г., в Кубанской и Терской областях было введено гражданское управление на основе общего губернского учреждения (Сборник сведений..., 1878: 99; ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 44. Отд. 2. № 47847). Это происходило в том числе и в связи с мерами по выселению горского населения Кубанской области с гор и предгорий, приведших к развитию движения мухаджирства и переселению части горцев в Османскую империю. Освобождённые земли заселялись казаками и переселенцами (Avdeev et al., 2024b). Однако в 1888 г. произошёл переход к военному управлению Северным Кавказом. Кавказский край был полностью подчинён Военному министерству. Из гражданского в военное управление были переведены Кубанская и Терская области, а также Черноморский округ, где устанавливался военный режим (ПСЗРИ-3. Собр. 3. Т. 8. № 5076). Общее управление на этих территориях осуществлялось командующим войсками Кавказского военного округа. В самих же Кубанской и Терской областях властью наделялись атаманы казачьих войск. В рамках военного управления они имели права начальников дивизий, а гражданского – генерал-губернаторов.

Таким образом, военная администрация на Северном Кавказе осуществляла как военную, так исполнительную и судебную власть. В Дагестанской области органы областного управления также были подчинены военным, территория была разделена на военные отделы. Была осуществлена попытка передачи институтов военно-народного управления в ведение Министерства внутренних дел, которое отказалось от его принятия. Военно-народное управление оценивалось высшими имперскими чиновниками как затратное и малоэффективное. Например, содержание его институтов

в 1885 г. обошлось казне в полмиллиона рублей (РФИАиЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 317. Л. 4). Несмотря на попытки полного упразднения военно-народного управления, его элементы сохранялись вплоть до 1917 г. На территории не только Дагестанской, но Кубанской и Терской областей продолжали свою деятельность и горские суды, опиравшиеся как на российское законодательство, так и на адаты и нормы шариата.

5. Заключение

Имперское управление казаками и горцами на Северном Кавказе в XIX в. формировалось в условиях Кавказской войны, конфликтов и нестабильности послевоенного периода, что предполагало значительную реактивность и непоследовательность принимаемых управленческих решений. Важными факторами в управлении являлись опора на исторически сложившиеся в казачьих и горских общинах формы самоуправления, уважение традиций и религиозных норм, стремление к централизации управленческих структур под единым военным руководством. Местным администрациям предоставлялись широкие полномочия, которые позволяли быстро реагировать на происходящие изменения, привлечение к управлению наиболее уважаемых членов общин укрепляло авторитет имперской власти на местах. Характерными чертами формирующегося управления казаками и горцами были ликвидация выборности органов местного самоуправления, переход к назначению как наказных атаманов, так и приставов, осуществлявших как военное, так и гражданское управления, а также судопроизводство. Элементы выборности существовали только на уровне станиц, куреней и аулов. На должности приставов назначались, наряду с войсковыми офицерами, и представители горской знати. Происходил постепенный процесс формирования системы государственного управления, ключевым элементом которой стали военные администрации.

На Северном Кавказе была апробирована и внедрена новая форма управления местным населением – военно-народное управление, которое опиралось как на стремление к созданию централизованного управления территориями на основе военначалия, так и на непосредственное участие горских элит в принятии управленческих и судебных решений. Важным фактором осуществления управления казаками и горцами была их лояльность имперской власти и подчинение принимаемым управленческим решениям. Сильными сторонами военно-народного управления были понятность и доступность местному населению органов управления, их относительная самостоятельность в принятии административных и судебных решений, учёт особенностей, религиозных традиций и уклада жизни горских общин. У большей части горских народов на момент включения их в состав Российской империи не было государственности и сформированных на её основе систем управления. Военно-народное управление стало промежуточной формой перехода к единой имперской системе управления на Северном Кавказе. Реализация мер по осуществлению военно-народного управления способствовала замирению горцев, стабилизации военной обстановки и развитию гражданской жизни и правовых отношений на Кавказе в составе Российской империи. В качестве недостатков управления казаками и горцами в данный период можно обозначить их недовольство ликвидацией местного самоуправления и мерами по централизации власти на Кавказе. Бремя военной службы и связанных с ней повинностей стало чрезмерно обременительным для казаков. Многие назначаемые в органы управления горскими поселениями офицеры пренебрежительно относились к местным традициям и обычаям, что вызывало недовольство местного населения. Эти и другие факторы привели к тому, что произошёл переход к военному управлению на Северном Кавказе, однако элементы исторически сложившегося и существовавшего местного самоуправления среди горцев и казаков продолжали сохраняться.

Литература

- АКАК, 1904 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. XII. Тифлис, 1904. 1558 с.
- АКБИГИ – Архив КБ ИГИ Кабардино-балкарский институт гуманитарных исследований.
- Баратов, 1898 – Баратов Н.Н. Ставропольское казачье юнкерское училище, 1870/71–1897/98: памятка о двадцатисемилетней его жизни и деятельности. Тифлис, 1898. 124 с.
- Барретт, 2000 – Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России / Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 163-195.
- Блиева, 2005 – Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Владикавказ, 2005. 398 с.
- Воронцов-Дашков, 1907 – Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. СПб., 1907. 164 с.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края
- ГАКЧР – Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики
- Гершельман, 1908 – Гершельман Ф. Причины неурядиц на Кавказе. СПб., 1908. 72 с.
- Гранкин, 2021 – Гранкин Ю.Ю. Система имперского управления Кавказом как путь к цивилизационному компромиссу // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. С. 30-35.

- Дебу, 1829 – Дебу И.Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829. 504 с.
- Дзамихов, 2000 – Дзамихов К.Ф. Адыги и Россия (формы исторического взаимодействия). М., 2000. 288 с.
- Заседателева, 1974 – Заседателева Л.Б. Терские казаки. М., 1974. 421 с.
- Иваненко, 1904 – Иваненко В.Н. Разлад между уголовным законом и народным обычаем на Кавказе и его влияние на преступность // *Русская мысль*. 1904. № 6. С. 89-136.
- История городов и сел..., 2008 – История городов и сел Ставрополя: Краткие очерки / В.А. Шаповалов, Д.В. Кочура, А.А. Кудрявцев [и др.]. Ставрополь, 2008. 756 с.
- Клычникова, 2006 – Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск, 2006. 157 с.
- Лазарян, 2021 – Лазарян С.С. Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845-1854 гг. Пятигорск, 2012. 323 с.
- Максимов, 1890 – Максимов Е.Д. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк. Владикавказ, 1890. 167 с.
- Малахова, 2001 – Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце 18-19 вв. Ростов н/Д, 2001. 400 с.
- О сельских (аульных) обществах..., 1871 – О сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинности Государственных и общественных в горском населении Терской области. Владикавказ, 1871. С. 1-22.
- Омельченко, 1991 – Омельченко И.А. Терское казачество. Владикавказ, 1991. 299 с.
- Очерки традиционной..., 2002 – Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. М.-Краснодар, 2002. 590 с.
- Писарев, 1881 – Писарев С.И. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577-1877. Владикавказ, 1881. 52 с.
- Попко, 1858 – Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858. 292 с.
- Попко, 1880 – Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. Вып. 1. Гребенское войско. СПб., 1880. 517 с.
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- Россия и Кавказ..., 2001 – Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. 416 с.
- РФИИАиЭ ДФИЦ РАН – Рукописный фонд института истории, археологии и этнографии дагестанского федерального исследовательского центра РАН.
- Сборник сведений..., 1878 – Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. 382 с.
- Северный Кавказ..., 2007 – Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. 460 с.
- Тхамокова, 2022 – Тхамокова И.Х. Особенности общественного строя адыгов (шапсугов, натухайцев и абадзехов) в первой половине XIX века // *Научный диалог*. 2022. Т. 11, № 1. С. 471-487.
- Утверждение русского..., 1901–1908 – Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. I-IV. Тифлис, 1901–1908.
- Футорянский, 1998 – Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1998. 299 с.
- ЦГАРД – Центральный государственный архив Республики Дагестан
- Щербина, 1910–1913 – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Екатеринодар, 1910-1913.
- Эсадзе, 1907 – Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис, 1907. 616 с.
- Avdeev et al., 2024a – Avdeev E.A., Erohin A.M., Vorob'ev S.M., Bredihin S.N. Imperial policy of including the peoples of the North Caucasus into the Russian cultural and linguistic space in the second half of the 19th century // *Bylye Gody*. 19(4): 1663-1673.
- Avdeev et al., 2024b – Avdeev E.A., Vorobiev S.M., Bredikhin S.N. Imperial policy of resettlement in the North Caucasus and muhajirism of the highlanders in the second half of the 19th century: main stages and consequences for the region // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 738-749.
- Zozulya et al., 2020 – Zozulya I.V., Kondrashova A.A., Trofimov M.S. The highest reports of the heads of regions and governors of the North Caucasus as a historical source for the study of the Russian pre-revolutionary judicial system // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2651-2660.

References

- АКАК, 1904 – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Vol. XII. Tiflis, 1904. 1558 p. [in Russian]
- АКБИГКБИГ – Arhiv KB IGI Kabardino-balkarskij institut humanitarnyh issledovanij [Archive of KB IGI Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research].
- Avdeev et al., 2024a – Avdeev, E.A., Erohin, A.M., Vorob'ev, S.M., Bredihin, S.N. (2024). Imperial policy of including the peoples of the North Caucasus into the Russian cultural and linguistic space in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*. 19(4): 1663-1673.

- [Avdeev et al., 2024b](#) – Avdeev, E.A., Vorobiev, S.M., Bredikhin, S.N. (2024). Imperial policy of resettlement in the North Caucasus and muhajirism of the highlanders in the second half of the 19th century: main stages and consequences for the region. *Bylye Gody*. 19(2): 738-749.
- [Baratov, 1898](#) – Baratov, N.N. (1898). Stavropol'skoe kazach'e yunkerskoe uchilishche, 1870/71–1897/98: pamyatka o dvadcatysemiletnej ego zhizni i deyatel'nosti [Stavropol Cossack Junker School, 1870/71–1897/98: a reminder of his twenty-seven-year life and activities]. Tiflis. 124 p. [in Russian]
- [Barrett, 2000](#) – Barrett T.M. (2000). Linii neopredelennosti: severokavkazskij «frontir» Rossii [Lines of uncertainty: Russia's North Caucasus "frontier"]. *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskij period*. Samara. Pp. 163-195. [in Russian]
- [Blieva, 2005](#) – Blieva, Z.M. (2005). Rossijskij byurokraticheskij apparat i narody Central'nogo Kavkaza v konce XVIII – 80-e gody XIX veka [The Russian bureaucratic apparatus and the peoples of the Central Caucasus at the end of the 18th – 80s of the 19th century]. *Vladikavkaz*. 398 p. [in Russian]
- [Debu, 1829](#) – Debu, I.L. (1829). O Kavkazskoj linii i prisoedinennom k nej Chernomorskomoj vojske [About the Caucasian Line and the Black Sea Army attached to it]. St. Petersburg. 504 p. [in Russian]
- [Dzamiyov, 2000](#) – Dzamiyov, K.F. (2000). Adygi i Rossiya (formy istoricheskogo vzaimodejstviya) [Adygs and Russia (forms of historical interaction)]. M. 288 p. [in Russian]
- [Esadze, 1907](#) – Esadze, S. (1907). Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom [Historical note on the management of the Caucasus]. Vol. 1. Tiflis. 616 p. [in Russian]
- [Futoryanskij, 1998](#) – Futoryanskij, L.I. (1998). Kazachestvo Rossii na rubezhe vekov [Cossacks of Russia at the turn of the century]. Orenburg. 299 p. [in Russian]
- [GAKCR](#) – Gosudarstvennyj arhiv Karachaevo-Cherkesskoj Respubliki [State Archive of the Karachay-Cherkess Republic].
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of the Krasnodar Krai].
- [Gershel'man, 1908](#) – Gershel'man, F. (1908). Prichiny neuryadac na Kavkaze [Causes of troubles in the Caucasus]. SPb. 72 p. [in Russian]
- [Grankin, 2021](#) – Grankin, Yu.Yu. (2021). Sistema imperskogo upravleniya Kavkazom kak put' k civilizacionnomu kompromissu [The system of imperial governance of the Caucasus as a path to a civilizational compromise]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 1: 30-35. [in Russian]
- [Istoriya gorodov i sel..., 2008](#) – Istoriya gorodov i sel Stavropol'ya: Kratkie ocherki [History of cities and villages of Stavropol: Brief essays]. Stavropol. 2008. 756 p. [in Russian]
- [Ivanenko, 1904](#) – Ivanenko, V.N. (1904). Razlad mezhdu ugolovnym zakonom i narodnym obyчаем na Kavkaze i ego vliyanie na prestupnost' [The discord between criminal law and folk custom in the Caucasus and its impact on crime]. *Russkaya mysl'*. 6: 89-136. [in Russian]
- [Klychnikova, 2006](#) – Klychnikova, M.V., Klychnikov, Yu.Yu. (2006). Vhozhenie Severnogo Kavkaza v kul'turnoe pole Rossii (1777–1864 gg.) [The entry of the North Caucasus into the cultural field of Russia (1777–1864)]. Pyatigorsk. 157 p. [in Russian]
- [Lazaryan, 2021](#) – Lazaryan, S.S. (2012). Voennno-politicheskaya i administrativno-pravovaya deyatel'nost' knyazya M.S. Vorontsova v Kavkazskom krae. 1845-1854 gg. [Military-political and administrative-legal activities of Prince M.S. Vorontsov in the Caucasus region. 1845-1854]. Pyatigorsk. 323 p. [in Russian]
- [Maksimov, 1890](#) – Maksimov, E.D. (1890). Terskoe kazach'e vojsko. Istoriko-statisticheskij ocherk [Terek Cossack army. Historical and statistical essay]. Vladikavkaz. 167 p. [in Russian]
- [Malahova, 2001](#) – Malahova, G.N. (2001). Stanovlenie i razvitie rossijskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v konce 18-19 vv. [Formation and development of Russian public administration in the North Caucasus at the end of the 18th-19th centuries]. Rostov-on-Don. 400 p. [in Russian]
- [O sel'skih \(aul'nyh\) obshchestvah..., 1871](#) – O sel'skih (aul'nyh) obshchestvah, ih obshchestvennom upravlenii i povinnosti Gosudarstvennyh i obshchestvennyh v gorskom naselenii Terskoj oblasti [On rural (aul) societies, their public administration and service State and public in the mountain population of the Terek region Vladikavkaz]. 1871. Pp. 1-22. [in Russian]
- [Ocherki traditsionnoi..., 2002](#) – Ocherki traditsionnoj kul'tury kazachestv Rossii [Essays on the traditional culture of the Cossacks of Russia]. 2002. Vol. 1. Moscow-Krasnodar. 590 p.
- [Omel'chenko, 1991](#) – Omel'chenko, I.A. (1991). Terskoe kazachestvo [Terek Cossacks]. Vladikavkaz. 299 p. [in Russian]
- [Pisarev, 1881](#) – Pisarev, S.I. (1881). Trekhsotletie Terskogo kazach'ego vojska. 1577-1877 [Tercentenary of the Terek Cossack Army. 1577-1877]. Vladikavkaz. 52 p. [in Russian]
- [Popko, 1858](#) – Popko, I.D. (1858). Chernomorskie kazaki v ih grazhdanskom i voennom bytu [Black Sea Cossacks in their civil and military life]. SPb. 292 p. [in Russian]
- [Popko, 1880](#) – Popko, I.D. (1880). Terskie kazaki so starodavnyh vremen. Istoricheskij ocherk. Vyp. 1. Grebenskoe vojsko [Terek Cossacks from ancient times. Historical sketch. Vol. 1. Grebensky army]. SPb. 517 p. [in Russian]
- [PSZRI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].

- [RFIIAIE DFIC RAN](#) – Rukopisnyj fond instituta istorii, arheologii i etnografii dagestanskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra RAN [Manuscript collection of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center RAS]. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- [Rossiya i Kavkaz..., 2001](#) – Rossiya i Kavkaz skvoz' dva stoletiya [Russia and the Caucasus through two centuries]. SPb. 2001. 416 p. [in Russian]
- [Sbornik svedenii..., 1878](#) – *Sbornik svedenij o Terskoj oblasti* (1878). [Collection of information about the Terek region]. Vladikavkaz, 1878. Vol. 1. 382 c. [in Russian]
- [Severnyj Kavkaz..., 2007](#) – Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii [Northern Caucasus as part of the Russian Empire]. M. 2007. 460 p. [in Russian]
- [Shcherbina, 1910–1913](#) – *Shcherbina, F.A.* (1910-1913). *Istoriya Kubanskogo kazach'ego vojska*. V 2-h t. [History of the Kuban Cossack Army. In 2 volumes]. Ekaterinodar. [in Russian]
- [Thamokova, 2022](#) – *Thamokova, I.H.* (2022). Features of the social system of the Circassians (Shapsugs, Natukhais and Abadzekhs) in the first half of the 19th century [Osobennosti obshchestvennogo stroja adygov (shapsugov, natuhajcev i abadzekhov) v pervoj polovine XIX veka]. *Nauchnyi dialog*. 11(1): 471-487. [in Russian]
- [TsGARD](#) – Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan [Central State Archive of the Republic of Dagestan].
- [Utverzhdenie russkogo..., 1901–1908](#) – Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze (1901-1908). [Establishment of Russian rule in the Caucasus]. Vol. I-IV. Tiflis. [in Russian]
- [Voroncov-Dashkov, 1907](#) – *Voroncov-Dashkov, I.I.* (1907) Vsepoddannejšaya zapiska po upravleniyu Kavkazskim kraem [The most humble note on the management of the Caucasus region]. St. Petersburg. 164 p. [in Russian]
- [Zasedateleva, 1974](#) – *Zasedateleva, L.B.* (1974). *Terskie kazaki* [Terek Cossacks]. Moscow. 421 p. [in Russian]
- [Zozulya et al., 2020](#) – *Zozulya, I.V., Kondrashova, A.A., Trofimov, M.S.* (2020). The highest reports of the heads of regions and governors of the North Caucasus as a historical source for the study of the Russian pre-revolutionary judicial system. *Bylye Gody*. 58(4): 2651-2660.

Политика Российской империи по управлению казаками и горцами в XIX в.

Евгений Александрович Авдеев ^{a, *}, Алексей Михайлович Ерохин ^a,
Сергей Михайлович Воробьев ^a, Сергей Николаевич Бредихин ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются основные этапы и особенности имперского управления казаками и горцами в XIX в. Политика была направлена на формирование казачьих полков и включение их в систему единого военного управления. Казаки привлекались к несению тыловой и пограничной службы, строительству новых крепостей и основанию станиц. В период Кавказской войны происходило увеличение численности казаков за счёт приписывания к ним других категорий населения, в том числе и горцев. В это время складывается военная форма управления казачьим и горским населением. Большую роль в преобразовании Кавказа сыграла администрация вновь учреждённого Кавказского наместничества. По завершению военных действий реализуется новая форма управления местным населением – военно-народное управление. Наряду с военным управлением к принятию управленческих и судебных решений на местах привлекались горские элиты. Созданные горские суды опирались на законы Российской империи, адаты и шариат. В последней трети XIX в. в Кубанской и Терской областях осуществляется переход к гражданскому, а затем военному управлению. При этом сохранялись элементы военно-народного управления. В Дагестанской, Кубанской и Терской областях продолжали свою деятельность и горские суды. Происходит уменьшение численности казаков, перевод части станиц в гражданское состояние. Для них устанавливается всеобщая призывная служба. При непоследовательности и ситуативности принятия многих управленческих решений имперское управление казаками и горцами в целом позволяло решать задачи замирения и интеграции Северного Кавказа в состав России.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Российская империя, казаки, горцы, Кавказская война, воинская служба, военно-народное управление, горские суды, адаты, шариат.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)